

И.В. Шишко

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ РЕГУЛЯТИВНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА В ТОЛКОВАНИИ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ» УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Необходимым элементом механизма правового регулирования является толкование права. Применительно к главе 22 Уголовного кодекса РФ оно приобретает особое значение: все «экономические» нормы относятся к бланкетным.

Необходимость толкования бланкетных уголовно-правовых норм обусловлена самой спецификой бланкетного изложения диспозиции. Если ее составляет описание компонентов отдельных (или всех) элементов состава обобщающими признаками, признаками-понятиями либо обобщающими признаками-понятиями (то есть «закодированными» признаками), то толкование бланкетных диспозиций с необходимостью предполагает обратный процесс - «декодирования» этих признаков, что возможно только посредством обращения к нормам, системно связанным с интерпретируемыми. Не случайно применительно к бланкетным нормам специалисты указывают именно на такой способ толкования - систематический [1].

В общей теории права систематическое толкование определяется не вполне единообразно, однако общепризнанна необходимость обращения к другим нормам, включая нормы иных отраслей права. Конечно, речь идет не о любых иноотраслевых нормах, а находящихся в функциональной связи с толкуемой нормой [2]. Регулятивные и охранительные нормы, включая уголовно-правовые, представляют «главное деление юридических норм, соответствующее делению специально-юридических функций на регулятивные и охранительную» [3], следовательно, наличие между функциональной связи не вызывает сомнения [4].

К каким конкретно - регулятивным нормам (актам) необходимо обращаться при толковании «экономических» норм УК? По справедливому утверждению П.С. Яни, содержание понятий, которые использованы в норме УК, охраняющей конкретные общественные отношения, выражено в понятиях нормативных актов, регулирующих данные отношения [5]. Приведенное утверждение полностью согласуется с нашим выводом о детерминированности диспозиций уголовно-правовых норм регулятивными нормами [6].

Систематическое толкование не ограничивается исследованием нормативного правового акта, непосредственно регулирующего отношения, которые охраняются толкуемой нормой УК. Иное означало бы отсутствие системности в самом регулятивном законодательстве. В указанном толковании «задействуются» и акты, уточняющие, дополняющие либо предусматривающие изъятия из положений, которые закреплены в непосредственно регулирующих актах. При этом систематическое толкование заключается в уяснении тех иноотраслевых конкретных запретов или обязанностей, соблюдение или исполнение которых призвана обеспечить интерпретируемая уголовно-правовая норма.

Однако есть и такие средства толкования, о которых криминалисты почти не упоминают. «Рядом с толкованием закона по его тексту стоит разъяснение его смысла по соотношению разъясняемого положения с другими постановлениями закона уголовного, или с институтами и постановлениями других частей законодательства, или даже с общими началами и принципами права - так называемое толкование логическое» [7]. Как видим, автор не исключает использование при толковании закона даже таких «отдаленных» от конкретных «постановлений закона» нормативных образований, как принципы права.

Из приведенной цитаты следует только один вывод - речь идет об общеправовых принципах и общих началах. Не отрицая необходимость обращения к принципам, свойственным праву в целом и уголовному праву в частности, считаем важным при толковании уголовно-правовых норм учитывать и общие положения (начала), и принципы регулятивных отраслей права.

Общие положения и принципы, по мнению С.С. Алексеева, представляют «наиболее высокий уровень нормативных обобщений», выполняющих в правовом регулировании общую регулятивно-направляющую роль, и являются «опорным стержнем» юридического регулирования [8]. Отметим, что, как правило, упоминают только принципы, опуская общие положения (начала), это, очевидно, объяснимо синонимичностью понятий «принцип» и «начало» [9].

Несмотря на то, что принципы представляют собой основные идеи, отражающие сущность, назначение и закономерности права, регулятивно-направляющую роль они приобретают, лишь получив «прямое» нормативное закрепление или будучи установленными из содержания правовых норм. Значение принципов как основополагающих нормативных установлений подчеркивают многие авторы. Принципы называют «своеобразной несущей конструкцией, на основе которой покоятся и реализуются не только нормы, институты или отрасли, но и вся правовая система» [10].

Принципы не только позволяют уяснить смысл законодательства, но и определяют тенденции его развития, стабилизируют правоотношения, восполняют пробелы в праве и законодательстве, могут выступать дополнительным критерием для дифференциации отраслей права [11]. Принципы являются связующим звеном между основными закономерностями развития и функционирования общества и правовой системой [12]. К сожалению, вопросы, связанные с определением сущности принципов, критериев их классификации, конкретным перечнем принципов, не утратили дискуссионноеTM. Однако это обстоятельство не исключает возможности использовать принципы в качестве «системы координат» [13], правоориентиров, и практика Конституционного суда доказывает незаменимость этих ориентиров.

На чем основана необходимость обращения к принципам регулятивных отраслей права, и какова их роль в применении «экономических» норм УК? Она вытекает из детерминированности уголовно-правовых норм регулятивными. Если

последние определяют «границу» правомерного и противоправного нечетко или противоречиво либо «страдают» пробельностью [14], то дать оценку конкретному деянию как правомерному или противоправному придется, соизмеряя содеянное с принципами соответствующей регулятивной отрасли: деяние правомерное, с «ее позиций», не может быть одновременно преступным.

Принципы регулятивной отрасли, кроме того, могут «проявить» незаконность ее конкретной нормы. В этом случае для признания ее неконституционной или незаконной правоприменитель должен обратиться соответственно в Конституционный суд, в суд арбитражный или общей юрисдикции. Конечно, в рамках применения уголовно-правовых норм подобное обращение происходит тогда, когда вопрос о нарушении лицом обязанностей (запрета), установленных сомнительной регулятивной нормой, не рассматривался в гражданском (арбитражном) процессе.

Необходимость обращения к принципам регулятивных отраслей права совершенно очевидна в тех случаях, когда принципы являются «также обычными правилами поведения, поскольку имеют прямое действие - согласно ст. 15 Конституции РФ» [15].

Как видим, принципы регулятивных отраслей права выполняют свою традиционную ориентационную роль в применении уголовно-правовых норм.

Проиллюстрируем толкование «экономических» норм УК через призму указанных принципов.

Так, обращение к нормам-принципам Части первой Налогового кодекса РФ при установлении факта уклонения в крупном размере лица от уплаты налога с продаж позволяет переоценить деяние, бывшее «кандидатом» в преступление. К примеру, установлено, что в законе субъекта РФ отсутствует срок уплаты названного налога (такой случай имел место в Красноярском крае). Правоприменителю придется признать, что нормы налогового закона субъекта РФ не отвечают принципу определенности налогообложения [16], закрепленному в п. 6 и 7 ст. 3 Налогового кодекса и получившему развитие в ст. 17 НК: налог при отсутствии указанных в ней элементов налогообложения считается не установленным, следовательно, в содеянном отсутствует такой обязательный признак налогового преступления, как предмет.

Установление принципа регулятивной отрасли права, не допустить нарушение норм которой в экономической деятельности призвана та или иная норма гл. 22 УК, безусловно, помогает понять общественную опасность конкретного преступления и уточнить круг предусмотренных им деяний.

Обратимся к ст. 179 УК. Анализ диспозиции статьи и ее местоположение в УК позволяют определить, что, несмотря на причинение вреда психической неприкосновенности (ч. 1) либо здоровью потерпевших (ч. 2), общественная опасность принуждения к совершению сделки или отказу от ее совершения заключается, главным образом, в нарушении права на свободу сделки, которое и составляет основной непосредственный объект преступления. В соответствии с пунктом 1 ст. 2 ГК РФ это право составляет одно из основных начал или принципов гражданского законодательства (в общей теории права его рассматривают как межотраслевой [17]). Согласно п. 1 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора и понуждение к его заключению не допускается, а согласно ст. 156 ГК общие положения о договорах применяются к односторонним сделкам, поскольку это не противоречит закону, одностороннему характеру и существу сделки.

Вместе с тем принцип свободы договора не безграничен: рыночные отношения не только не исключают, но, наоборот, предполагают установление пределов свободы сделки, необходимых для минимизации противоречий между общественными и частными интересами. Согласно абзацу 2 п. 1 ст. 421 ГК: «Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена настоящим Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством». Так, сторона, заключившая предварительный договор, не вправе уклониться от заключения основного договора (ст. 429 ГК); коммерческая организация не вправе отказаться от заключения публичного договора (ст. 426 ГК); банки не имеют права отказать клиенту без достаточных оснований заключить договор банковского счета (ст. 845, 846 ГК); монополист не вправе отказаться от заключения госконтрактов в случаях, установленных законом, при условии, что ему будут возмещены все убытки, которые могут причиняться в связи с выполнением госконтракта (ст. 527 ГК); монополист, работающий в сфере оборонного комплекса, не вправе отказаться от заключения договора на поставку материальных средств в госрезерв РФ (ст. 9 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. «О государственном материальном резерве») и др.

Кроме нормативных пределов свободы сделок, существуют и ненормативные, которые устанавливаются усмотрением сторон и могут быть связаны: с изменением воли и волеизъявления стороны в процессе формирования содержания предстоящего договора; с усмотрением сторон на предоставленную возможность нормами права действовать в пределах, установленных законом, или договариваться по-иному; с влиянием обычаев и обыкновений делового оборота.

В случаях, когда сторона, обязанная заключить сделку по основаниям, которые предусмотрены ГК, законом или в соответствии с добровольно принятым обязательством, уклоняется от ее заключения, принуждение ее к заключению сделки указанными в ст. 179 УК способами не образует состава этого преступления, поскольку основному объекту преступления вред не причиняется. Ответственность в подобных случаях наступает по ст. 330 УК или за соответствующее преступление против личности [18].

Также следует квалифицировать принуждение к отказу от совершения сделки, если согласно закону или добровольному обязательству совершение этой сделки принуждаемой стороной противоречит законодательству.

В некоторых случаях правомерными могут быть признаны действия, содержащие признаки состава монополистических действий и ограничения конкуренции (ст. 178 УК), а именно установление монопольно высоких или монопольно низких

цен, согласованные действия, приводящие к разделу рынка, ограничению доступа на рынок, устранению с него других хозяйствующих субъектов, ущемлению интересов других хозяйствующих субъектов.

Основанием для этого должно быть превышение положительного эффекта от указанных действий неблагоприятных последствий для рассматриваемого рынка (п.2 ст.5, п.4 ст.6 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»), свидетельствующего, что сомнительные действия соответствуют требованиям разумности и справедливости, которые исключают недобросовестную конкуренцию (таковой в ст.4 названного Закона признаются любые направленные на приобретение преимуществ в предпринимательской деятельности действия хозяйствующих субъектов, которые противоречат, в том числе, требованиям добросовестности, разумности и справедливости).

Правоориентационное значение регулятивных отраслевых принципов (общих начал) приобретает особую актуальность при толковании «налоговых» норм УК: ст. 198 и 199 активно применяются, а законодательная палитра принципов налогообложения - одна из самых богатых. Один из таких принципов упоминался - принцип определенности налогообложения. С его помощью мы «вышли» на отсутствие предмета в конкретном «уклонении» от уплаты налога. Однако этот принцип имеет самое непосредственное отношение к установлению такого элемента состава, как субъективная сторона. В п.7 ст.3 НК закреплено положение, согласно которому все неустраняемые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сборов). Это означает, что действия лица, содержащие все признаки уклонения от уплаты налога, если они соответствуют конкретному акту законодательства о налогах в интерпретации лица и такая интерпретация не исключается этим актом, не могут быть признаны противоправными. Поскольку экономические нормы УК не могут противоречить соответствующим регулятивным нормам в части оценки деяния как противоправного, то и «уклонение от уплаты налога» в этом случае не может быть признано преступлением.

К принципу определенности налогообложения отнюдь не отдаленное отношение имеет положение, содержащееся в п.3 п.1 ст.111 НК: «Выполнение налогоплательщиком или налоговым агентом письменных разъяснений по вопросам применения законодательства о налогах и сборах данным налоговым органом или их должностными лицами в пределах их компетенции ... исключает вину лица в совершении налогового преступления». Это положение является одностержневым с указанным принципом: оба не позволяют считать противоправным уклонение от уплаты налогов, если у лица были основания считать свои действия (бездействие) правомерными. Подчеркнем - достаточно установить наличие оснований считать их таковыми, а не то, как лицо оценивало их в действительности. Однако и это положение Налогового кодекса, и другие, обращение к которым последует, имеют определенную особенность, и ее мы должны оговорить. Дело в том, что отраслевые принципы в кодифицированных нормативных правовых актах традиционно располагаются в первых статьях и отличаются от других положений, закрепленных в общих частях таких актов, наиболее высоким уровнем нормативных обобщений. Такой статьей является уже упоминавшаяся ст. 3 НК «Основные начала законодательства о налогах и сборах». Статья 111 НК и «географически» (расположена в главе 15 НК), и по своей природе (принадлежит к охранительному институту) не может «претендовать» на содержащую общие принципы. Вместе с тем в соответствии с п. 2 ст. 1 Налогового кодекса РФ в число общих принципов налогообложения и сборов входят, в том числе, формы и методы налогового контроля и ответственность за совершение налоговых правонарушений. По существу, в общие принципы налогообложения зачислены все институты, закрепленные в I - VII разделах Налогового кодекса, что вызывает сомнения в обоснованности столь широко определенного набора принципов. Тем не менее к общим принципам указанные институты причислил законодатель, поэтому есть все основания опираться на них, применяя и налоговые нормы УК. Если, вправе рассуждать правоприменитель, исключение вины лица в случае, предусмотренном подпунктом 3 п.1 ст.111 НК, является общим принципом налогообложения, то лицо не подлежит ответственности за уклонение от уплаты налога независимо от его размеров.

На практике распространено уклонение от уплаты налогов путем использования «вексельных схем», которые, как правило, осуществлялись «проблемными» банками. Правомерно возник вопрос, может ли налог считаться уплаченным при формальном списании денежных средств со счета налогоплательщика в банке, если эти суммы реально не перечисляются в бюджет из-за фактического отсутствия денежных средств на расчетном счете налогоплательщика - юридического лица, а также из-за отсутствия денежных средств на корреспондентском счете банка, при формальном зачислении их банком на счета налогоплательщика. Ориентируясь на принцип добросовестности, вытекающий из п. 7 ст. 3 Налогового кодекса РФ, Конституционный Суд РФ в определении от 25 июля 2001 г. N 138-0 «По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 г. по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 11 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [19] разъяснил, что его правовая позиция, в соответствии с которой конституционная обязанность каждого налогоплательщика считается исполненной в момент списания банком с расчетного счета налогоплательщика средств в уплату налога, не распространяется на недобросовестных налогоплательщиков, поскольку, по существу, они от исполнения данной обязанности уклонились. Следовательно, в случае установления недобросовестности налогоплательщика обязанность по уплате налога путем формального перечисления платежей через неплатежеспособные банки считается неисполненной, и такое деяние может содержать признаки налогового преступления.

Использование регулятивных отраслевых принципов не ограничивается нуждами толкования (в том числе доктринального) признаков состава преступлений. «На их базе» безуспешно решаются иные вопросы применения «экономических» норм УК.

Так, ст. 87 Налогового кодекса ограничивает период деятельности налогоплательщиков, который может быть охвачен налоговой проверкой, тремя календарными годами, непосредственно предшествовавшими году проведения проверки. Таким образом, делает вывод Д.И. Митпошев, срок давности привлечения к уголовной ответственности за налоговое преступление истекает не более чем через четыре года со дня его совершения, а не через шесть (применительно к ч. 2 ст. 198 и ч. 1 ст. 199 УК РФ) или десять лет (применительно к ч. 2 ст. 199 УК РФ), как это установлено ст. 78 УК РФ: факт совершения преступления в году, деятельность в котором не подлежит проверке, документально подтвердить невозможно [20]. Основываясь на том же общем принципе форм и методов налогового контроля (подп. 5 п. 2 ст. 1 НК РФ), Д.И. Митпошев указывает, что в случае подачи лицом в налоговые органы заявления о дополнении или изменении декларации после истечения сроков ее подачи и уплаты налога, если до подачи такого заявления лицо уплатило недостающую сумму налога и соответствующую ей пени, оно освобождается от ответственности, установленной в ст. 198 и 199 Уголовного кодекса: «Если невозможно привлечение к налоговой ответственности, - резонно замечает Д.И. Митпошев, - не может быть и речи о возможности привлечения к уголовной» [21].

Наконец, в условиях глобализации, требующей расширения круга отношений, которые регулируются международным правом, прежде всего «за счет» экономических, уголовно-правовая оценка деяний в сфере экономической деятельности требует учитывать принцип приоритета международного права не только при решении вопросов Общей части уголовного права, но и при определении соответствия конкретного деяния регулятивным нормам (в данном случае - содержащимся в международных договорах).

Как видим, хотя принципы регулятивных отраслей используются в относительно редких случаях (частота использования зависит от качества конкретных нормативных правовых актов, количества и содержания отраслевых принципов), они могут существенно корректировать представление о преступности содеянного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Теория государства и права: Учеб. для юрид. вузов и фак-тов / Под. ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. - М.: Издат. группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. - С. 364; Общая теория государства и права. Академический курс: В 2 т. / Под ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. - М.: Зерцало, 2000. - С. 325; Черданцев А.Ф. Толкование советского права / А.Ф. Черданцев. - М.: Юрид. лит., 1979.-С. 79-80.
2. Черданцев А.Ф. Указ. соч. - С. 61.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т. 2 / С.С. Алексеев. - М.: Юрид. лит., 1982. - С. 67.
4. Там же. - С. 66; Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. - М.: Юрист, 1999.-С. 447.
5. Яни П.С. Бланкетные «экономические» статьи уголовного закона / П.С. Яни // Российская юстиция. -1995. -№11. - С. 47
6. Шишко И.В. Соотношение уголовно-правовых и регулятивных норм права в сфере экономической деятельности / И.В. Шишко // Системность в праве / Под ред. Н.Л. Клык. - Красноярск: Универс, 2002. - С. 134.
7. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: В 2 т. Т. 1 / Н.С. Таганцев. - М.: Наука, 1994. -С. 91.
8. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. - М.: Статут, 1999. - С. 368-369.
9. Универсальный словарь иностранных слов русского языка. - М.: Вече, 2001. - С.462; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю.Шведова. - М.: Азбуковник, 1999. - С. 399.
10. Общая теория государства и права. Академический курс: В 2 т. Т. 2. - С. 23.
11. Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права: Автореф. дис.... канд. юрид. наук / А.Л. Захаров. - Казань, 2003. - С. 13.
12. Теория государства и права: Учеб. для юрид. вузов и фактов. - С. 237; Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия... - С. 368-369.
13. Парыгина В.А. Налоговое право Российской Федерации / В.А. Парыгина, А.А. Тедеев. - Ростов н/Д, 2002. -С. 71.
14. В регулятивных отраслях аналогия допускается.
15. Ведяхин В.М. Понятие и классификация принципов права / В.М. Ведяхин, К.В. Ведяхина //Право и политика. - 2002.-№4.-С.21.
16. Демин А.В. К вопросу об общих принципах налогообложения// Ученые записки Юрид. ин-та КГУ: Вып. 1 / А.В. Демин; Отв. ред. Т.В. Сахнова. - Красноярск, 2001. - С. 496.
17. Захаров А.Л. Указ. автореф. - С. 19.
18. Шишко И.В. Ответственность за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения / И.В. Шишко //Юридический мир. -1998. - № 11-12. - С. 43.
19. СЗ РФ. - 2001. - № 32. - Ст. 3410.
20. Митпошев Д.И. Налоговые преступления (спорные вопросы квалификации): Автореф. дис....канд. юрид. наук /Д.И. Митпошев. - Красноярск, 2002. - С. 7.
21. Там же. - С. 8.